

Рейнак Соломон

**Аполлон. Всеобщая история пластических
искусств: лекции, читанные в Высшей
школе при Лувре**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С60

С60 **Соломон Р.**
Аполлон. Всеобщая история пластических искусств: лекции, читанные в Высшей школе при Лувре / Рейнак Соломон –
М.: Книга по Требованию, 2024. – 322 с.

ISBN 978-5-519-80473-8

ISBN 978-5-519-80473-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ΑΠΟΛΛΟΝ

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Все эти лекции, за исключением последней, которую я пересматривал и переставлял несколько раз, появляются в том виде, как они были читаны мною в 1902—03 г. в Ecole du Louvre. И если я с честью вышел из испытания, я считаю себя обязанным именно им, так как они послужили для меня пробным камнем. Сдержанность или похвалы аудитории, отголосок которых всегда доходит до слуха лектора, являются для него самым надежным руководителем; пересматривая свой курс, я принимал их во внимание, подобно тому, как руководствовался ими и при чтении лекций.

Вероятно, ни в одном из городов всего света не читается столько курсов публичных лекций, как в Париже; но среди них совершенно отсутствует краткий обобщенный курс истории искусства. Пораженный этим пробелом, я предложил моим коллегам по Ecole du Louvre прочесть в 1902-м году, в виде опыта, двадцать пять лекций по всеобщей истории пластических искусств с декабря 1902-го года по июль 1903-го. Первая же лекция собрала толпу; через две недели стало слишком тесно; пришлось открыть все двери, увеличить количество скамеек, сдвинуть столы, разместить публику в четырех смежных комнатах; а в то же время мой курс кельтической археологии едва наполнил публикой одну комнату. Дамы, очень многочисленные, являли собою пример героического постоянства; и когда я видел перед собою и вокруг себя такую массу любезных лиц, испытывающих

крайние неудобства, мне было почти стыдно чувствовать себя так хорошо и удобно на своей широкой кафедре. Поэтому мне и хотелось посвятить этим лицам мою маленькую книгу и просить их принять вместе с выражением моего уважения и мои извинения.

В самом начале лекций я заметил моим слушателям, что их, повидимому, столь лестное для меня внимание никоим образом нельзя было отнести на счет достоинств курса, так как никто еще не мог знать, будет ли он хорошим или плохим; но это внимание служило ясным доказательством своевременности такого курса. И действительно, отрицать ее невозможно. На-ряду с учеными трудами во всякой науке необходимы еще обобщения, сделанные устно или письменно. В таких очерках общие идеи в силу необходимости занимают первое место, а факты остаются на заднем плане, в то время как в научных трудах, по выражению Фюстель-де-Куланжа, одному часу синтеза предшествует год анализа. Это время обобщений наступает не для всякого, но когда оно наступает, следует им пользоваться, а еще лучше дать им воспользоваться другим.

В *Ecole du Louvre* я заканчивал каждую лекцию кратким библиографическим перечнем, ограничиваясь тремя-четырьмя работами последнего времени, без которых нельзя обойтись. Но мне кажется, что издавая курс своих лекций, я должен обратить главное внимание на развитие этой части. Что касается античного мира, то я был очень краток, потому что в этой области существует много справочных книг; из них некоторые изданы мною. Но относительно средних веков и нового времени я не мог почти ничего найти даже в самых больших сочинениях; я вынужден был составить библиографию по своему усмотрению и уверен, что она окажется полезной. После зрелого размышления я умышленно выбросил из этого перечня все, что может заинтересовать больше археолога, чем историка искусства; я также намеренно выпустил, за некоторыми исключениями, труды, вышедшие раньше 1880-го года, в особенности же дорогие и редкие собрания, доступные лишь для больших библиотек. Зато я перечислил очень много хороших популярных работ и статей из *Revue* и, в особенности, из *Gazette des Beaux-Arts*, очень распространенного журнала, который можно покупать отдельными тетрадями; но в нем нет хороших указаний литературы ¹⁾. Текст моих лекций предназначен для начинающих и для широкой публики; библиографический же отдел, как мне кажется, будет полезным и для очень осведомленных людей; они найдут там сведения о многих художниках и художественных произведениях, которых я или совсем не упоминал или указывал лишь вскользь, из опасения обременить текст слишком большим количеством собственных имен.

¹⁾ Хронологический указатель главнейших статей появился в *Gazette* 1909, I, p. 13.

Заглавие Аполлон указывает, что эта книга написана в *pendant* к другому сочинению, Минерве, введению в историю греческих и латинских классиков, книге, изданной мною в 1889-м году, успех которой не был исчерпан и четырьмя изданиями. Я от души желаю, чтобы Аполлон разделил счастливую судьбу своей сестры и, распространяя основы истории искусства, вербовал новых поклонников этой вечной Мудрости, Минерве афинского Акрополя, от которой изучение современного искусства—я говорю это по опыту—не только не заставляет отвернуться, но, наоборот, учит лучше и глубже понимать ее.

С. Рейнак.

Париж, январь 1904 г.

Шестое издание этой книги было тщательно исправлено и библиография доведена до последнего времени.—Появились переводы Аполлона на английский, испанский, венгерский и итальянский языки, причем в них добавлены написанные по образцу Аполлона главы, рассматривающие современное искусство этих стран.

Барельеф с Афинского Акрополя IV-й век до Р. Х.

АПОЛЛОН.

ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИСКУССТВА.

Возможно ли в двадцати пяти лекциях дать идею развития пластических искусств, то - есть искусств, произведения которых могут быть выражены посредством рисунка—архитектуры, скульптуры, живописи? Ответить на этот вопрос я не могу, так как не делал такого опыта. Пусть ответят за меня те, кто прослушает этот курс до конца.

Человеческая промышленность рождается из нужды. Уже первобытный человек вынужден был изготовлять различные орудия, оружие, одежды, находить себе убежище от непогоды и диких животных. Он сделался искусным в силу необходимости, прежде чем стать художником по склонности.

Произведение искусства существенным образом отличается от тех продуктов человеческой деятельности, которые должны удовлетворять его неотложные житейские потребности. Бросим взгляд на дворец, статую, картину. Дворец мог бы быть просто большим домом и все же давать надежное убежище: здесь характер искусства является дополняющим практическую цель. В статуе, картине практической цели мы уже не видим; характер искусства является обособленным.

Этот элемент, иногда дополняющий, иногда обособленный, в свою очередь, является продуктом человеческой деятельности, исключительно свободной и бескорыстной, предназначенной не для удовлетворения прямых потребностей, но имеющей целью вызвать чувство, сильную эмоцию—восхищение, удовольствие, любопытство, иногда ужас.

Искусство на всякой степени своего проявления выражается в двух формах: как роскошь и как игра.

Так как искусство имеет целью пробуждать в другом человеке известные чувствования, то оно прежде всего общественное явление. Орудие изгото-

вляется для собственной нужды, но украшают его для того, чтобы доставить удовольствие другим людям или вызвать их одобрение.

Искусство не было чуждо ни одному, даже самому первобытному обществу; оно существует в зародыше уже в своеобразной татуировке, покрывающей тело дикаря, и проявляется в старании придать красивую форму рукоятке топора или ножа.

Изучение первобытного искусства может идти двумя путями: посредством наблюдения над современными нам дикарями или же путем изучения глубоко погребенных в почве следов, оставленных первобытными народами самых отдаленных времен. Интересно заметить, что оба эти метода приводят приблизительно к одинаковым результатам. Искусство выражается, прежде всего, в склонности к симметрии, аналогичной ритму в поэзии и музыке, и в любви к краскам, имеющим целью не создание известного образа, но положенных просто для того, чтобы радовать глаз. Потом оно выражалось в форме орнаментов, составленных из прямых или кривых линий, параллельных или ломаных. Затем человек пытается воспроизвести фигуры окружающих животных, сначала в круглой пластике, затем при помощи рельефа и рисунка; наконец, он решается, хотя робко, изобразить фигуру человека и растения. Эту последовательность развития можно проверить наблюдением над детьми, которые в нашем цивилизованном обществе являют собою подобие первобытного состояния. Дети любят сначала симметрию, краски, нарисованные рядом или переплетенные между собою линии; когда они начинают рисовать, они пытаются вывести каракули сначала в виде силуэтов животных, которые их интересуют гораздо больше, чем себе подобные; и гораздо позже начинают рисовать людей и растения.

Наука, появившаяся в XIX веке, именно, археология доисторических времен, открыла нам произведения человеческой промышленности бесконечно далекой эпохи, более древней, чем времена египетских пирамид и дворцов вавилонских царей.

Эпоха эта названа геологами четвертичной, так как она является последней из четырех великих геологических эпох. Земля имела тогда совершенно иной вид, чем теперь. Достаточно сказать, что Франция еще не была отделена от Англии проливом Па-де-Кале, а Сицилия от Италии—Мессинским проливом; Швеция, Дания, Шотландия были покрыты полярными льдами; альпийские ледники были огромных размеров, и один из них доходил до окрестностей Лиона.

В четвертичную эпоху во Франции уже водились лошади, быки, козы, но еще в диком состоянии; человек еще не приручил их и, незнакомый еще с земледелием, питался лишь плодами деревьев, продуктами охоты и рыболовства. Наряду с этими животными, подобными существующим в настоящее время, существовали еще другие, исчезнувшие с тех пор, как, напр., мамонт и волосатый носорог (*rhinoceros tichorhinus*); существовали также животные, живущие теперь в более жарких странах, подобно гиенопотаму, гиене и льву, или в очень холодных, как, напр., олень. Человек, вооруженный палицей, кремневым топором, кинжалом из рога, добывал себе в пищу мясо быков, лошадей, оленей, которых он ловил в западню или настигал в беге. Вооруженный сделанным из рога или кости гарпуном, он убивал рыб и точно также употреблял их в пищу.

Согласно самым скромным вычислениям геологов четвертичная эпоха продолжалась тысячи лет и окончилась за 12.000 или 10.000 лет до начала христианской

эры. Окончилась она после того, как климат, фауна и флора сделались приблизительно такими же, как и в наше время, после того как из Пиренеев и Альп исчез последний северный олень и последний мамонт.

Мы начинаем с некоторой точностью различать два периода этой долгой эпохи: более древнюю с жарким и очень влажным климатом; другую, более позднюю, с холодным и сухим климатом.

В течение первого периода человек, рыболов или охотник, жил по берегам рек, тогда более широких, чем теперь. Он изготовлял кремневые топоры, которые теперь тысячами находят на большой глубине под песками, нанесенными течением рек, именно на Сомме (Сент-Ашэль) и на Марне (Шелль). Многие из этих топоров, треугольной или овальной формы, высеченные мелкими кусочками с большой ловкостью, представляют довольно правильные очертания, доказывающие склонность первобытного человека к симметрии. Возможно, что люди этого времени жили на открытом воздухе или в хижинах из ветвей; не было найдено никаких следов их жилищ.

Гораздо лучше осведомлены мы относительно второй эпохи, когда олень, не существовавший еще в первой, появляется в таком же изобилии, как бык и лошадь, и доставляет людям не только питательное мясо, но также рога, кости, сухожилия, которые послужили материалом для первых попыток ремесла и искусства. Найдены кинжалы, гарпуны, буравы, точилки из оленьего рога; найдены также оленьи рога и кости, вырезанные скульптурно, покрытые резьбой и рисунками (рис. 1).

Человек, питавшийся северным оленем, сумел заметить красящие свойства некоторых земных пород, в особенности, охры. Он любил яркие цвета и возможно что он красил свое тело, подобно дикарям нашего времени. Но он шел еще дальше. Ему доставляло удовольствие покрывать стены и своды пещер, в которых он искал убежища от холода, свирепствовавшего тогда в течение девяти месяцев, выцарапанными, вырезанными и нарисованными изображениями животных, сделанными удивительно уверенной рукой (рис. 2 и 3 и 5а). Несколько лет тому назад в пещерах Перигора (Perigord) и в области Пиренеев открыта доисторическая живопись, представляющая огромный интерес.

В тех случаях, когда можно было наблюдать в пещерах Франции напластованные друг на друга остатки различные цивилизаций, замечено было, что круглых

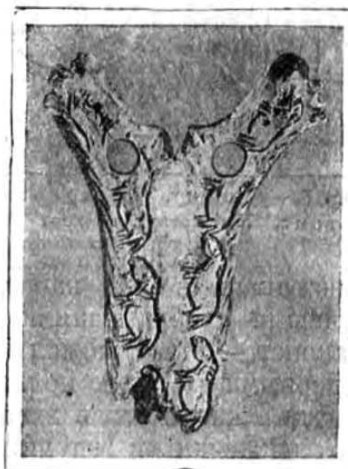

Рис. 1. — Кость с выцарапанными на ней изображениями. Пещера Мадлены (Дордонь) (Британский музей).

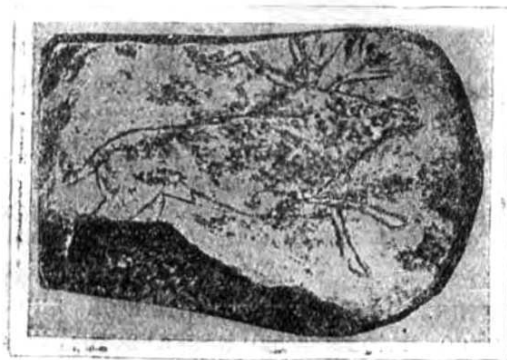

Рис. 1а. — Северный олень, скачущий галопом, выцарапанный на плоском камне (Эндр) (Сен-Жерменский музей).

скульптурные изображения, вырезанные на камне или на костях мамонта и северного оленя, оказывались глубже зарытыми, следовательно, более древними, чем

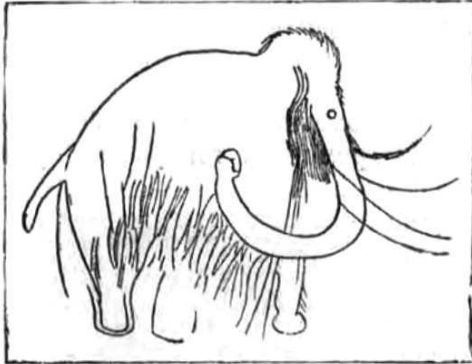

Рис. 2. — Мамонт, выцарапанный на стене. Комбарельский грот (Дордонь).

фигуры, выполненные барельефом, и рисунки. В высшей степени художественные изображения животных, выцарапанные острием, относятся к одной эпохе с живописью, отличающейся теми же характерными чертами и одинаково вызывающей наше восхищение.

Наиболее поразительно из этих характерных черт является реализм. Ни одна деталь рисунка не является плодом фантазии; как отдельные животные, так и группы их выполнены с такою точностью, которую напрасно стали бы мы искать в искусстве современных дикарей. Второю характерною чертою является простота. Нецелесообразные детали совершенно отсутствуют; некоторые изображения животных,

выцарапанные или нарисованные в эту эпоху, могут выдержать сравнение с лучшими изображениями животных, выполненными современными художниками. Наконец,—и это, пожалуй, самая оригинальная черта,—искусство охотников за северными оленями полно жизни и движения; первобытный художник любит изображать животных в живых и картинных позах; он схватывает и воспроизводит их движения с изумительной точностью (рис. 4).

Разумеется, не все изображения, найденные в пещерах, заслуживают подобных похвал; из сотен найденных и распространенных в репродукции скульптурных выцарапанных или нарисованных изображений, они приложимы, быть может, лишь к трем, четырем десяткам. И в ту эпоху, как во все времена, были художники выдающиеся, были и художники посредственные. Но в своем беглом обзоре искусства всех времен я вынужден ограничиваться рассмотрением лишь шедевров искусства, а лучшие изображения животных, относящиеся к эпохе северного оленя, поистине заслуживают названия шедевров.

Как и где сложилось это искусство? Очевидно, самые лучшие произведения являются конечным результатом долгого развития. Человек четвертичной эпохи, подобно современному человеку, мог родиться со склонностью к искусству, но не мог родиться законченным художником; необходимым был целый ряд поколений для того, чтобы он мог выработать умение рисовать правильно силуэт животного при помощи заостренного кремня, чтобы первые попытки, первые каракули до-

Рис. 3. — Бизон, выцарапанный на стене и раскрашенный. Пещера de Fond de Gaume (Дордонь). *Revue de l'Ecole d'Anthropologie*, июль 1902 (изд. Felix Alcan).